

«В году победном 45-м мы в институт пришли,

Так пелось в песне первого шестилетнего выпуска – выпуска удивительных людей, которые научились ценить жизнь – на войне – задолго до того, как их научили спасать жизни в 1 ЛМИ. О том, как становились врачами в 40-е годы прошлого века, нам рассказала одна из выпускниц, доцент кафедры педиатрии Зинаида Афанасьевна Смирнова.

Выпускники 1951 года Зинаида Афанасьевна Смирнова и Георгий Сильвестрович Катинас

Н. Ефимович, С. Бродский, В. Миняев

Наш курс был особенным – 800 человек, из которых половина – выпускников школ и половина нас, только пришедших с войны. Многие, как и я, поступали в институт ещё в 1941 году, потом ушли на фронт, но по возвращении нас сразу воссоставляли без лишних вопросов. Были те, кто вернулся уже будучи совсем взрослым, учиться им было трудно, и постепенно они отсеялись, закончили вуз в итоге около 600 человек. Мы, фронтовики, считали для себя позором учиться хуже, чем школьники, а те, в свою очередь, зная, что у них на курсе люди, прошедшие войну, тоже стеснялись плохо заниматься. Некоторые перед войной закончили РОККовские курсы медсестер или фельдшерское училище – на фронт шли уже со званием.

На курсе было немало активных и талантливых ребят: И. Лапина, З. Токарская, А. Горсюков, Л. Фролова, Г. Катинас, А. Личко, Ю. Матузенко, А. Г. Салимянова, В. И. Шумилова и многие другие. Среди вернувшихся фронтовиков выделялись трое друзей – Сеня Бродский – «морячок», ставший лидером профкома курса, а затем института, Коля Ефимович – «совесь курс», партийный организатор, и, конечно, Володя Миняев – комсомольский вожак института, будущий ректор 1 ЛМИ. Все они отлично учились, отличались удивительной честностью и принципиальностью.

Мы были первым выпуском, кото-

возможности, они читают учебник – нам учебники было читать особенно некогда. Мы вели своих больных плюс хвостом ходили за врачами, к которым были прикреплены и у которых, соответственно, были собственные пациенты. Дежурство было с 3 часов дня до 9 утра, а дальше – на свою работу; по воскресеньям мы работали как самостоятельные врачи, даже ординаторы первого года. Я, например, одна смотрела все терапевтическое отделение на 60 коек. Помимо ведения больных мы писали эпикризы. Свой первый эпикриз я написала на три страницы. Преподаватель сказал: как же ты умеешь писать, молодец! А не могла бы написать на две страницы? Я удивилась, но, думаю, ладно, напишу. Он опять – хорошо, молодец, а на одну страницу можешь? Вот тут мне стало плохо: что ещё можно было сократить без ущерба для текста, для понимания больного? И я вспомнила, как когда-то ещё на четвертом курсе мне в руки случайно попал эпикриз, написанный Татьяной Сергеевой Истамановой – аккуратный, на одну страничку и вместе с тем такой полный и понятный, четко описывающий больного. Вот тогда я поняла: прежде чем сядешь писать, надо продумать все, тогда напишешь как надо.

За время учебы у нас было два ректора – Николай Иванович Озерский и Иван Ефимович Кашкаров, и два декана – Дарья Павловна Ка-

1 курс, на занятии по анатомии

каждому направлению сегодня есть кого вспомнить. На терапии – Юдифь Петровна Уринсон, Пантелеймон Константинович Булатов, Наум Яковлевич Давидович. На пропедевтике на третьем курсе нам читал лекции Михаил Дмитриевич Тушинский, и мы навсегда запомнили его фразу: «Пожалуйста, не лазайте в вену! Вена – это не помойная яма, куда можно лезть!». На четвертом курсе была Т. С. Истаманова, на пятом и шестом на госпитальной терапии – М. В. Чернооружий и П. К. Булатов. Здесь нам «давали» больного, и мы сами должны были выявить, что у него. На госпитальной хирургии – профессор Федор Григорьевич Углов: впервые на лекции в присутствии всех студентов он нам показывал пункцию абсцесса легкого. На факультетской хирургии были профессор Бекерман и Александр Васильевич Мельников. Последний любил говорить: «Если вы ставите диагноз рак, потому что вы увидели,

что у больного увеличена печень, это поздно. Первый симптом ракового заболевания – изменившийся цвет кожи». Я запомнила это на всю жизнь – и всю жизнь это подтверждалось. Сам Александр Васильевич умер от рака печени – при этом он описывал все симптомы, вел сам для себя историю болезни. На гигиене мы ходили на улицу, учились определять направление и силу ветра, смотрели все очистные сооружения, поэтому были, в общем-то, неплохими гигиенистами. Много дежурств было на акушерстве и гинекологии, благодаря чему мы видели и нормальные роды, и патологические роды, видели, какие ошибки могут быть. На патологической анатомии у нас преподавала Мария Алексеевна Захарьевская – когда-то она была победительницей конкурса красоты в Париже. Очень красивая женщина; кроме того, высококлассный специалист и музыкант. Также были чрезвычайно

интересные лекции профессора В. Г. Гаршина. Судовольствием вспоминаю гистологию и Шаварша Давыдовича Галустяна, который во время войны вывозил студентов в Кисловодск. Он не очень хорошо владел литературным русским языком, но лекции его всегда были очень образными и яркими. Как сейчас слышу: «Ну-ка, скажи, как зовут телятнику маму, я забыл, ах, да, корова». Самым страшным экзаменатором у нас был «тетя Володя», доцент Владимир Михайлов, с голосом-«пискунчиком». Мы иногда в аудитории сидели подальше, когда хотелось поболтать. И вот мы переговариваемся, а с последнего ряда раздается его голосок: «Перестаньте болтать». Не обращаем внимания, продолжаем, он снова: «Я вам что сказал, перестаньте болтать!». А потом кончилась лекция, к нам подходит лаборант и говорит: «Вы с ума сошли, это же доцент Михайлов!». Мы его боялись на экзаменах как огня – говорю так,

Мы, фронтовики, считали для себя позором учиться хуже, чем школьники, а те, в свою очередь, зная, что у них на курсе люди, прошедшие войну, тоже стеснялись плохо заниматься

рый учился шесть лет: на мой взгляд, эксперимент оказался вполне удачным. Ординатура продолжалась три года. Было очень тяжело, но школу мы получили великолепную: видели огромное количество больных – и своих, и чужих, мы все «делились» друг с другом интересными случаями. Сегодня обучающиеся не имеют такой

пустник (первые два курса) и Лидия Соломоновна Ганелина. На всех кафедрах за нами стояли ассистенты, которые проверяли нас, на второй год ординатуры мы работали самостоятельно, а на третьем году нас уже и в область отправляли. Иными словами, мы в полном смысле слова видели больных. На каждом курсе, по

ребята...»

Практическое занятие. В. Миняев накладывает повязку

потому что сама попала к нему. Предмет я знала, но помешало чувство страха: он уже вероятно давно забыл, что там кто-то когда-то болтал, но я-то ведь помнила. Сразу все вылетело из головы, слова сказать немогла, встала и ушла. Пересдавать пришлось ему же: он меня гонял, но на этот раз ответила на «отлично». Шутки шутками, однако материал на практических занятиях он давал великолепно, все пригодило потом. Я тогда и рисовать умела – мы все рисовали препараты и сдавали по ним. Очень хорошо нам преподавали язык – он шел первые два курса и был камнем преткновения для очень многих, особенно для тех, кто учился «с перерывом на войну». Мне повезло, у меня со школы сохранился хороший немецкий, поэтому в институте было гораздо легче, а многие мучились. Но часов в неделю было порядочно и гоняли нас будь здоров, и по окончании института мы могли самостоятельно справиться с журнальными статьями.

Отдельного упоминания заслуживает практика: после четвертого курса мы с Колей Ефимовичем были в Великом Устюге, после пятого курса – в Мяске. На все лето там в больнице оставался один врач, остальные – студенты. Мы работали совершенно самостоятельно – при этом хорошо, и страха как такового не было, мы всегда все знали. К нам приезжали, проверяли, помогали. Мы многое пробовали на себе, например, один студент на практике после четвертого курса оперировал свою жену с аппендицитом – чтобы на это пойти, надо было быть очень

в себе уверенным. Когда я окончила вуз, у меня не было никаких сомнений в правильности диагноза, который я ставлю. Через год я стала думать – сказала так, но на самом деле все может быть и не так. А в конце ординатуры и работая дальше всю жизнь врачом, я сомневалась, а правильно ли я поставила диагноз, ведь иногда быстрота диагноза рискованна. Может, он и правильный, но поставлен поверхностно. Иными словами, врач увидел самое яркое и на этом основывается, а решает совсем не это: такой подход очень опасен. Этому нас учили постоянно – смотреть больному. Например, у больного синяки – откуда? Я синяки видела, но внимания не обратила, мало ли откуда они могут быть. А это симптом заболевания крови...

Мы действительно многому научились: в 1951 году из 1 ЛМИ вышло немало будущих ученых, профессоров, организаторов здравоохранения, блестящих врачей. Многие остались в институте и посвятили ему всю жизнь, кто-то ушел работать в другие медицинские учреждения. Но все мы с гордостью носим имя «первомедовцев».

Студенты, студенты –
твердили нам много, –
Давно повзрослеть вам пора!
Теперь перед нами
открылась дорога
И завтра мы все – доктора.

Ты помнишь, товарищ,
Как с нами сражался
«Коварный и злой» деканат,
Шесть лет обуздая нас
он тщетно пытался
И нашему выпуску рад.

Ты помнишь, товарищ,
Как вместе страдали
Двенадцать мы сессий с тобой.
Как ночи не спали,
Как «нервы» сдавали
И череп носили домой?
Ты помнишь, товарищ,
Как раньше сражались
За место в переднем ряду?
Потом «повзрослели»,
Места опустели,
и с лекций студенты бегут.

На пятом семестре,
волнуясь немного,
К больным мы впервые пришли.

С тех пор понемногу
К их сердцу дорогу
Надеемся, все мы нашли.

Их душу и тело
Лечить будет смело
Хирург, окулист, терапевт,
Который впервые
в истории России
Учился не пять, а шесть лет.
Друзья, не забыть нам пору золотую
И наш дорогой институт.
Всю жизнь будем помнить
мы нашу родную
Веселых студентов семью.

Клянемся, товарищ,
что, взяв атрибуты:
Диплом и печать, навсегда
Мы с этой минуты
за честь института
Ответим везде и всегда!

За светлую жизнь
и за право учиться
Ответим мы честным трудом.
И Родина будет по праву гордиться
Достойным советским врачом.

М. Пышнова

30 мая ровно в 15.20 сильный порыв ветра сорвал полотно, под которым дожидалась открытия мемориальная доска Владимиру Алексеевичу Миняеву. Что сказать? Дедушка не любил опаздывать... Три года прошло с тех пор, как его не стало. И вот, в год 90-летия со дня рождения, Университет решил увековечить память одного из самых верных членов своей семьи, память человека, посвятившего 1 ЛМИ-СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова всю свою жизнь

На церемонии открытия и на вечере памяти прозвучало много светлых воспоминаний, теплых, искренних слов, в которых были слышны и нежность, и глубокое уважение, и грусть. Грусть по человеку, который прожил удивительную, насыщенную, яркую жизнь, успев создать в этой жизни очень много, но в то же время столько не успев... Грусть по человеку, которого всегда будут помнить и которого всегда будет не хватать...

Мария Петрова,
корреспондент, ведущий редактор отдела рекламы,
внучка В. А. Миняева

Дочь В. А. Миняева Е. В. Степанова,
доктор медицинских наук, профессор

Выступает академик РАМН Ю. Д. Игнатов

Выпуску 1966 года 45 лет!

Дорогие друзья, выпускники 1966 года!

Прошло 45 лет с того момента, когда вы шагнули в большую самостоятельную жизнь. Перед мной газета «Пuls» от 27 июня 1966 года. На пожелтевшей газетной полосе – заметка студентки 640-й группы Н. Трошкевич «До свидания, наш ЛМИ!». И вот теперь свидание наступило через 45 лет. Тогда, в 66-м, вы говорили: «С каким нетерпением думали мы об окончании института, о последнем студенческом дне... Этот день наступил. И наступил невероятно быстро». Теперь же я вместе с вами говорю: как быстро прошли 45 лет, ведь это почти полвека!

Я перелистываю альбом вашего выпуска, вглядываюсь в юные лица на фотографиях и думаю о том, какими вы стали теперь? Прошла целая эпоха больших перемен не только в нашей жизни, но и в нашем окружении. Наступил новый век, нам прибавилось лет, изменилась страна, наш институт стал Медицинским Университетом. Среди вас есть теперь и заслуженные врачи, и кандидаты, и доктора наук, и даже академики. Но все вы сегодня снова станете хотя бы на несколько мгновений единой студенческой семьей, вспомните крепкую дружбу, которая, надеюсь, не прерывалась все прошедшие годы. Для всех нас Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова навсегда останется родным и любимым 1 ЛМИ. Это наша alma mater, кусочек нашей души, частица нашей Родины.

Квашему выпуску у меня особое отношение. Мы встретились в начале 1964 года, когда мне пришлось принять эстафету от вашего декана Ивана

О. П. Большаков

Васильевича Семенова. Это было непросто. С Иваном Васильевичем вы были почти два с половиной года. На курсе сложились отношения и устоялись традиции. Конечно, мы первое время «приглядывались» друг к другу. Но весной нас направили «на грипп». И в наступившей авральной ситуации мы довольно быстро нашли взаимопонимание, которое еще более укрепилось после первой совместно выдержанной экзаменационной сессии. Очень помогли мне и советы Ивана Васильевича, который поддерживал контакты и с вами, и со мной, и особенно поддержка Нины Ивановны, бессменного секретаря нашего деканата. Она очень хорошо знала проблемы каждого из вас, и без ее помощи мне было бы жить значительно труднее. Кроме того, на вашем курсе был замечательный комсомольский и профсоюзный актив. Это и Галя Федорова, и Саша Шабров, и Галя Шендерович, и неизменный автор капустников Володя Загребя и многие, многие другие ребята. А

потом были отбор кандидатов для поездки на первую ознакомительную практику в Градец Кралове вместе с молодым доцентом В. А. Алмазовым, производственная практика в районных больницах, новые экзаменационные сессии, радости и огорчения, строгие «разборки» и доверительные беседы... Со многими из вас у меня сохранились дружеские связи, которые не прерывались все прошедшие годы. С вами началась моя деканская жизнь, которая продолжалась более двадцати лет, да, наверное, она и до сих пор не закончилась. Ведь так приятно, когда при встрече кто-то, на первый взгляд, почти незнакомый, вдруг говорит: «А я у Вас учился». Или, более того, – «Вы были нашим деканом».

Может быть, правда, что бывших деканов не бывает?

Профессор кафедры
оперативной хирургии
и клинической анатомии
О. П. Большаков